

16+

Дмитрий Ефремов

Зелёные глаза

Дмитрий Ефремов

Зелёные глаза

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Ефремов Д. Г.

Зелёные глаза / Д. Г. Ефремов — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Наша память священна, и когда человек остаётся наедине с собой, то она всё время возвращает его в юность, и даже в детство, где всё было пронизано светом и цветом, и небо было голубым, с плывущими облаками, и воздух источал запах скошенной травы и мёда, а лес всегда хранил загадку и манил своими тайнами. Мы все от туда, там наши истоки и сила, пронизывающая всё, и связывающая нас со всем.

Зелёный глаза

За запахом тайги.

Я сижу в глубоком кресле автобуса, и он везет меня в волшебную страну с таинственным названием «тайга». Целый год я мечтал махнуть на житейские проблемы и уехать куда подальше. В своих мечтах я оказался не одинок, рядом посапывает мой друг Лешка. Мы едем к его родному дядьке в деревню, а короче, в тайгу.

Я уверен, что если бы не житейские проблемы, заставляющие нас крутиться как белка в колесе, то за мной увязалась половина Хабаровска. Как бы тогда я не позавидовал тайге!

Несмотря на романтические перспективы, у меня куча планов и обязательств. Как говорится – совместить несовместимое: и отдохнуть, и поработать.

Нет уж! Дудки! Что-то одно. А родственники пусть будут сыты обещаниями.

Под ногами огромный рюкзак, и как я его ни прятал, очкастая контролёрша, подсевшая сразу после города, увидела его и пристала к нам, как самая настоящая вампирша. Правда, и я крови попил. Еще бы! Штраф! А с какой стати? Я что, жираф, чтобы платить за «длинную шею»?

Но заплатить за багаж все же пришлось. На самом деле это такая тактика. Она просит много и получает, сколько нужно. Я ломаюсь, как старый скупщик, и плачу, как положено, хотя в моем кармане уже просторней. Леха скалит зубы и от скромности прячет свою довольную физиономию в стекле автобуса, делая вид, что изучает заоконный ландшафт.

Лешка по натуре молчун. В школе он все десять лет играл роль или партизана, или инопланетянина. Но закончил без трояков, в отличие от меня, за что мне, конечно, стыд и позор. Лёха безобидный, как кролик, и ужасно застенчивый. Не знаю, чем обойдется ему его застенчивость и безобидность, но мне мои наглость и смелость обошлись новыми родственниками.

За окном проносятся небольшие поселки, поля с разными культурами, и от скуки половина автобуса просто храпит.

Я еду в этом направлении в первый раз. А если бы и нет, мне все равно интересно, что происходит за окном. Человечество и без того добрую треть жизни бездарно продрыхло.

Где-то впереди вырисовывается в моем воображении село Бичевое. Почему Бичевое, я еще толком не знаю, да мне и неинтересно. Главное, что там есть то, что мне необходимо: река и тайга.

Если смотреть по карте, то мы движемся по зеленому цвету. Мари, болота... Кое-где торчат пни, как свидетельство былых пожарниц – победы человека над матушкой-природой. Огромная равнина, заблудиться на которой так же просто, как и в густом лесу, если ты о ней ничего не знаешь. Но пейзаж постепенно меняется. Старина ЛиАЗ, наверное, современник динозавров, все время ворчит, не давая покоя пассажирам задних мест. С левой стороны видны голубые горы. Это Сихотэ-Алинь. Красота и недоступность. Я вырос в его отрогах. Моя бурная фантазия питалась его родниковыми речками и не знала покоя в густых лесах, где полно грибов и ягод. Это мое детство. К сожалению, я вышел из него и стал другим. Но все ещё впереди. Я хочу встретить своего старого знакомого, и надеюсь, что он меня узнает.

Моё воображение не знает предела. Я все время представляю, как пробираюсь сквозь лианы дальневосточного лимонника, срываю кислую, но ужасно вкусную ягоду, от которой мозги превращаются в грецкий орех, а потом раздуваются, как дыня. Карабкаюсь в крутые склоны величественных сопок, покрытых огромными кедрами. Выслеживаю коварного тигра и собираю кишмиш. Гребу его лопатой прямо с земли (хотя он всегда рос наверху). Набиваю желудок барбарисом. Рыба сама прыгает из воды в мой садок и замирает от счастья, презирая крючок и червяка.

Что за кошмар! (Кто-то тычет в мой бок.) Я открываю глаза. Только не это! Опять эта довольная физиономия.

– Приехали! Хватит харю давить.

– Попрошу без оскорблений! Сам-то что давил?

– Бичевая! Давай выгружайся! – Лёха опять скалит зубы. По-моему он всегда доволен.

Я продираю глаза и прогоняю последние сладкие сновидения. Реальность куда хуже. Лучше бы я спал.

Оказывается, Бичевая – большая деревня. Нам пришлось изрядно попотеть и поработать ногами, прежде чем мы нашли Лехиных родичей. Хорошо, что дядя Боря – милиционер. В деревне его знают все. Но почему-то не каждый захотел проводить нас до его дома. Один шпаненок, одетый только в трусы цвета хаки, все же вызвался довести нас. Чертова Лешкина память!

Я пообещал нарисовать добровольца за его труды. Сразу появились конкуренты. Один-два портрета – это еще куда ни шло, но пацанвы набралось слишком много. А может, мой этюдник мёдом намазан? На вопрос: «Дядя, а чо это такое?» – я сказал, что это прибор для наблюдения за звёздами, и тут же пожалел.

Да, этюдник меня выдавал, и все, кто был на остановке, тарасили глаза. А тут еще его «большая» нога вывалилась. Я даже дал ему прозвище «хромой».

Вообще-то, мои планы таковы: рисовать, рисовать и рисовать. Заниматься спортом, ну, и набрать немного ягоды для родственников. Но это уже попутно.

Дяди Бори, как назло, дома не оказалось. Он ловил каких-то преступников в Хабаровске. Я так и не понял, почему он. Разве в городе не хватает своих милиционеров?

Встретила нас жена дяди Бори, тетя Оля, и, признаюсь, очень оригинально.

– А чего это вы приехали? – удивлённо воскликнула она, но тут же бросила половую тряпку и побежала на кухню.

У меня такое чувство, что все женщины в деревне только моют крыльцо и стирают. Тетя Оля делала это одновременно.

Мы, так и не ответив, а лишь мотнув взмокшими головами, с кислыми рожами, как последние двоечники, проковыляли по трапу в дом.

Итак, мой отдых начался. Хорошее начало. Леха тоже растерялся и в смущении водит рылом. Я его понимаю. Дом-то новый. Переехали года четыре как.

Все мне ясно. Пока Лехин дядька не поймает бандитов, цинично грабанувших местный сельмаг, тайги нам не видать, как своих ушей. А посему мы решили ускорить процесс поимки преступников и сузить круг подозреваемых. Этим мы и занялись, пока чистили картошку тупыми, как валенок, ножами и скоблили морковку, огромную, как весенние сосульки. Потом мы заинтересовались сорняками на огородных грядках и окапывали края огорода от паразитов. Что и говорить, встретили нас, как и положено, по всем правилам деревенской жизни. Теперь пару дней, пока не приедет дядя Боря, можно смело вычеркнуть из жизни.

Разделавшись с назойливой травой, я решил отдаться своей настоящей профессии. Как только я установил «хромого» и разложил краски, меня тут же облепила местная шпана. Как будто она только и ждала этого момента. А до того улица была пустой. Только одинокая пара гусей бродила по заросшей травой придорожной канаве, выискивая лягушек, и к моему творчеству приобщаться не желала. И, между прочим, напрасно.

С каждой минутой зрителей прибывало. Страсти разгорались по мере появления картины. Объектом спора стал бревенчатый дом, который мне удалось изобразить. Видите ли, я не нарисовал одного венца, и, по их мнению, дом от этого пострадал вместе с хозяевами, включая облезлую кошку, сидящую на заборе, и добродушного Тузика, собаку неопределенной породы. Собака наблюдала за нашей компанией, изредка разевая пасть и повиливая хвостом. Иногда

Тузик смотрел на пустую посудину, в которой жил какой-то паук. Посудина явно давно не наполнялась.

Да, Тузика больше волновала пустая миска и замок на двери. А цепи он словно и не замечал, ибо, скорее всего, прямо с ней и родился, в ошейнике.

Несмотря на приличные размеры, Тузик добродушен и его никто не боится. Наверное, местные собаки унаследовали от своих собратьев по виду тоску по лесу и равнодушие к людям в дневное время. Ночью они бдительны и подозрительны ко всему, что движется и пахнет. Даже к соседским кошкам и мышам.

Мой первый блин оказался вовсе не таким скомканным. Даже с недорисованным венцом, дом выглядел вполне приемлемым для жилья и вызывал неподдельный восторг у собравшихся зрителей. А недостающий венец дорисуем в другой раз.

Вечерело. Солнышко потеряло свою прежнюю власть над насекомыми, и они стали появляться из местных зарослей полыни, отыскивая среди нас самую легкую добычу. Я, конечно, номер один, поскольку руки мои заняты, а домик Тузика, как назло, не хотел получаться.

Все! Больше не могу. Еще минута, и от меня останутся только одежда и кости. Эти твари слишком прожорливы. В считанные секунды отработанными до автоматизма движениями собираю «хромого» и оставляю с открытыми ртами местную шантрапу обсуждать, настоящий я художник или нет. Мой рисунок не в счет. Все знают, что первый блин всегда комом.

Такого вкусного борща я не ел со времен, когда люди разговаривали на одном языке. К вечеру хозяйка подобрела и приготовила нам королевский ужин. После городской преснятины всё, что я увидел на столе, показалось мне сном. Свежие помидоры, красные, прямо с грядки, сало, сметана. Всё! Я остаюсь. Мне это нравится. За такое можно хоть целый день вкалывать на грядках.

Телевизор автоматически исключается из нашего рациона. Да и смотреть нечего. Одна мура.

Вечера в деревне совсем не такие, как в городе. Летом они короткие. Люди больше во дворах. Ужин. Пауза. И вот уже все спят. Лишь огонек папироски на крылечке в темной прохладе.

Уставшие от физической работы, люди спокойно ждут времени сна перед телевизором или за шитьем, поручая детей самим себе, лишь изредка обращая внимание на их возню.

Говорят, что иногда полезно немного побездельничать. Посмотрим.

Последующие два дня мы решили обследовать местные достопримечательности. Лёха в своей родной стихии. Ему известна каждая коряга, каждый обгорелый пенёк.

Первым делом мы решили познакомиться с местным магазином. Зайдя в него, я немного растерялся и задал продавцу чисто риторический вопрос: «Что же они, воры, умудрились украсть? Или они украли так много, что магазин опустел до основания? Но тогда они не должны были далеко уйти».

Меня оглядели недоверчивым взглядом и на всякий случай придвинули телефон.

Вокруг маленькими кучками толпились бабки и небритые дедки. Они о чем-то тихо переговаривались, поглядывая на мои обрезанные джинсы и почти лысую голову.

Не перепутали бы. Не сомневаюсь, что они обо мне подумали. Лёха в доску свой для них. Тысячу раз рад, что не ношу татуировок. Они могли бы сослужить мне печальную службу. Надо срочно знакомиться с дядей Борей.

Опять! Выследили! Этот мальчик явно не отстанет, пока я его не нарисую. Увидев нас, он расплылся в беззубой улыбке. Вспоминаю, что вчера у автобусной остановки я наобещал ему портрет, если он покажет нам дорогу. Придётся уносить ноги.

Оказалось, что все ждали, когда привезут хлеб. А что еще надо в деревне? Водку, то есть самогон, они и сами делать могут.

Лес вокруг деревни уникальный. Море шиповника. Будет чем порадовать любимую тещу. Но пыл мой охладел к этой ягоде быстро. Оказывается, я не люблю колючую ягоду. Лучше и полезней собирать арбузы: они не колются. Но все же с литр мне удалось насоблить. Окрестные кусты шиповника, сколько не просили, так и не дождались своей очереди. Спасибо Ленке. Помог. А вначале, как только я увидел чудо-шиповник, эти красные ягоды, я обомлел: «Все мое! Не уйду, пока не соберу». На что Леха только ухмыльнулся и посмотрел на меня, как на идиота.

– Нью-ню!

– Что ну-ну! Беги за ведрами! И побольше!

Но Ленка как-то странно скрутил пальцы, показав мне фигу, и ткнул указательным пальцем в висок, а потом покрутил. До меня не сразу дошёл смысл этого жеста, и я принял его как оскорбление. Но потом оценил. Пока я ругался, как сапожник, вытаскивая из пальцев противные колючки, Лёнька преспокойно снимал плоды и кидал их в банку. Скорее всего, ему известен какой-то особенный секрет собирания шиповника. А может у него просто больше терпения?

Местная купальня произвела на меня большое впечатление. Маленькая лужа среди густого леса пользовалась у местной шпаны большой популярностью. Преспокойно скинув одежду и не обращая внимания на гнус, Лёха залез в знакомую с детства лужу и стал фыркать, как бегемот на реке Лимпопо.

Нет уж! Предпочитаю чистую, но холодную воду. Лучше одну минуту в быстрой речке, чем час в грязной, пусть теплой, луже среди комаров.

– Зря ты так. Мог бы и ополоснуться, – с грустью выдохнул Ленка, оказавшись без компании. – Когда-то здесь глубина была. Здесь озеро было. Я даже не знаю, куда что подевалось.

Лёшку я понимал. В детстве все деревья большие, а озера глубокие. Но подобное я уже видел.

А потом было то, о чём я всё время мечтал. Когда я залез в быстрый и холодный Хор, Лёху передёрнуло. На всякий случай он отошёл подальше и набрал горсть камней, чтобы отбиваться.

Я спорил с бешеным течением, как псих прыгал в воду, а Лёха смотрел на меня дикими глазами и ёжился.

Сильнее и холоднее реки у нас нет. Хор есть Хор. Даже если просто смотреть на реку, в душе что-то выворачивает, как будто течением старые коряги вдоль берега. Сила! В названии, конечно же, нет ничего общего с хоровым пением. Считается, что его дали удэгейцы, или кто-то до них, это неизвестно. Может Хор от слова хорошо? Тогда мы родственники, и мне это по душе.

Наконец-то мы дождались! Приехал капитан милиции дядя Боря. Копия моего друга. Еще больше дядя Боря походил на Лёшкину матушку, женщину добрую и так далее.

Вечер обещал быть. Даже хозяйка приободрилась и как-то расцвела, одевшись в новое платье.

После обеда решили прошвырнуться по окрестному лесу по грибы. К сожалению, мы были не первыми, и достались нам остатки, на что не лег глаз тех, кому бог дает. На обратном пути мы встретили таких же любителей грибов, как и мы. Я им посочувствовал, а дядя Боря махнул рукой, мол, грибов на всех хватит.

– Супец будет что надо, – пообещал нам дядя Боря. – А ближе к вечеру баньку истопим.

Я давно поглядывал в угол огорода, где уютно устроилось бревенчатое строение с невысокой крышей и железной трубой. Это по мне. Баню обожаю.

На кухне у Лехино дядьки я познакомился с завидной коллекцией браконьерских ножей.

– Барахло! – пояснил он. – Нажрутса, а потом шарахаются по деревне, людей пугают. Есть такие. Любят ножичком помахать.

Я взвесил один из трофеев. Он походил на хороший индейский мачете.

– Веселый у вас народ.

– Это исходя из названия деревни, – пошутил дядя Боря.

Я про себя подумал, что неплохо бы в следующий раз привезти в подарок хороший ножик. Ножи моя страсть. Надо ведь чем-то грибы срезать.

Вечер выдался на славу. Пока я по старой привычке кромсал полено, превращая березовую чурку в топорище, дядя Боря втихую, чтобы не видела хозяйка, потягивал папироску. «Язва», — пояснил он.

Из трубы бани валил белый дым, а в кухне всю кипела похлебка.

Докурив не первую, за вечер, папиросу, дядя Боря спрятал бычок в спичечный коробок и углубился в бесконечные проблемы по хозяйству. Хорошо, что я вовремя сообразил, куда приткнуться свои руки. Лёха смотрел на меня грустными глазами, выворачивая наизнанку грядку с помидорами.

Из кухни доносился аромат грибного супа, а в моём желудке творилось что-то невообразимое. Словно магнитом, меня тянуло на кухню. Зайдя в нее, я увидел огромную кастрюлю, в которой что-то бурлило и булькало. Это было свыше моих сил. Я зачерпнул ложкой. Даже в ложке вода умудрилась булькать. Ну и ну!

Чего-то не хватало. Перца! Знаточи знают: перец придает особый вкус любому блюду. Ну а грибной суп и сам бог велел поперчить. Тщательно проделав операцию, я старательно помешал суп и убавил пламя. Пусть напаривается. Полюбовавшись в очередной раз формой одного из трофейных ножей, я вышел во двор. На улице уже пахло вечером. Я даже не заметил, как прошёл день. Такой легкости я давно не ощущал в себе. Легко дышалось, хотелось пить и делать добрые дела. А ведь все удовольствия дня ещё впереди. Мимо прошёл дядя Боря. Зайдя в кухню, он плотно закрыл дверь. Я понял: мухи. От них в деревне не продохнуть, особенно осенью.

– Ну, что молодёжь? Застоялись? Хорош бездельничать. Пора в баню, – обрадовал нас дядя Боря, выходя из кухни.

Подошел Лешка с грязными по локоть руками. Вид у него был жалким.

– Иди, помой руки. Мыло на кухне. На окне. В умывальнике кончилось, – посоветовал дядя Боря.

Лёшка пошагал по трапу на кухню, где уже хлопотала хозяйка.

В бане нас наверное решили известить. Такого и в аду не будет, чего пришлось пережить и перетерпеть в бане. Из всего пережитого мне понравился предбанник. Там, посреди просторного предбанника прямо из под пола торчала колонка. Это было очень грамотно. Захотел, набрал. Вода всегда свежая и чистая.

Обливаясь приятным потом, мы сидели на деревянной лавке с раскрасневшимися телами и балдели от счастья.

Я стал изучать баню, сложенную из посеребрённых аккуратных кругляков.

– Почему из осины? – спросил я. – Ведь столько кедра кругом.

– Осина всю грязь вытягивает. Да и смолы в ней нет. Если попался смоляк, всю жизнь к заднице липнуть будет, – пояснил хозяин. – Да и жаль кедр. Чего ж его по всякому пустяку изводить. Ты знаешь, как долго он растет в тайге? Осина в два, в три раза быстрее. Пользы от нее в лесу никакой, разве что тень для того же кедра, пока он подымается. А кедр – это хлеб в тайге. От него весь зверь в лесу корм имеет. Ладно, пойдем, я вас попарю, как положено.

Я покосился на Леху. Тот замычал и раскрыл свою пасть в искаженной гримасе.

– Давай, давай! Молодежь. Сейчас покажу вам настоящий русский пар. Настроили саун в своем Хабаровске. Ерунда всё это. Русская баня – вот что надо русскому мужику. Пошли! – и он с силой погнал нас в свой крематорий.

Меня сначала удивило и даже опечалило то, что печка и мойка в одном пространстве. А как же париться? Здесь же стояли свеженькие, недавно собранные лавки. В углу – тазы для помывки. В полах зияли щели величиной с палец. Из них по ногам поднимался прохладный воздух от земли. Но то, что было выше пояса, уже называлось баней. От печки, собранной из какого-то даже розового кирпича, исходил жуткий жар. Он тут же смешивался с прохладным воздухом и превращал просторную комнату в одну большую горячую духовку.

– Давай, залазь! Выше забирайся. Сейчас поддам, – командовал дядя Боря. В своём костюме, состоящем из шапки-ушанки, рукавиц и двух дубовых веников, он совсем не был похож на участкового милиционера.

– Сейчас я из вас всю городскую грязь выпарю.

Как только он брызнул на камни, я понял, что они не просто горячие. Лежащие прямо на чугунной плите, красной от березовых дров, камни дружно сказали «пс», а потом я пожалел, что согласился лезть на верхнюю полку.

– Береги уши! – заорал дядя Боря и стал размахивать своим оружием, словно казак шашкой. Я, как мог, обхватил полку руками и сжал зубы.

– Расслабься. Не стоит напрягаться, – успокоил шеф. – Это, брат, баня. От неё всё здорово. Не закрывай себя. Сейчас привыкнешь.

Лёха лежал рядом и только покрывал, не знаю от чего. Я не узнавал своего друга. Он терпел! А раз так, значит, и я смогу. Веники хлестали по спине и заднице так безжалостно, что ремень в далеком детстве показался мне легким наказанием. А ведь я «старый» парильщик. Краем глаза я наблюдал за своим инквизитором. «Интересно, кто раньше сломается? И на сколько хватит ещё этого человека, далеко не молодого?» – думал я.

Но когда дядя Боря потянулся к ковшику, я понял: или из меня сделают окорок, или я вечером наслаждаюсь грибным супом, в который, как мне показалось, я маловато посыпал перчика.

Я заорал, как ошпаренный, и пулей выскочил на улицу. Меня спасло заранее приготовленное ведро воды. Это было второе испытание. Моя голова чуть не треснула по швам, пока я лил на себя эту воду. С такой баней – одно из двух: или до ста лет, или прямо из парилки в морг.

– Ну, как? – хлопнул меня по плечу дядя Боря. Я посмотрел на Лёху. Он уже не улыбался. Покрытый красными пятнами, он походил на марсианского диверсанта. Кажется, там красное в моде. Я и сам был не лучше.

– Сейчас бы пива! – сладостно пропел дядя Боря и одним залпом выпил полковша холодного хлебного кваса. Квас оказался подстать самой бане. Где-то внутри моей головы опять что-то треснуло, а в глазах появились новые цвета. Даже слух изменился.

– А ты говоришь, отдельно. Все это не главное. Помыться можно и потом. А сначала баня. Париться. А уж когда напарился, после всего можно сполоснуться тёпленькой водичкой. Зато при таком устройстве баня всегда сухая и долго не гниёт. Хорошо то, что удобно и просто.

Я позавидовал хозяину и его здоровому отношению к жизни.

– Ну ладно, вы допаривайтесь, а я уже пошёл. Жарко что-то сегодня, – сказал он и в одних трусах пошёл по деревянному настилу в дом.

Я посмотрел на Лёху, он был в ауте. Я тоже был близок к нирване.

Горьковатый запах, исходивший от осиновых беленьких брёвнышек, дурманил голову. Душистые дубовые веники висели под потолком, придавая бане её истинный колорит. Что ещё надо для нормального отдыха?

На кухне горел свет. Там нас ждала большая зелёная кастрюля с волшебным грибным супом. По телу ещё катили крупные градины пота, когда мы в приятном изнеможении буквально рухнули на табуретки. Стол вызывал чувство восторга и желания жить. Посреди его красовалась огромная миска с нарезанными красными помидорами, посыпанными сверху мелко порубленным чесноком и зеленым луком.

– Ну а теперь и супчика можно, – продолжил вечеринку наш хозяин, разливая по граненым стопочкам белую жидкость из странного вида бутылки. Такие бутылки я неоднократно видел в кинофильмах о кулаках, и мне подумалось, что хозяйке она досталась по наследству. Я сразу догадался, что это не водка и не какой-нибудь там ром, а самая настоящая самогонка. Я глянул на Лёху. Он так умудрился скривить свою рожу, что меня передёрнуло.

В доме жила ещё мать хозяйки. Бабка, похожая на старую колдунью, очень словоохотливая и по всему виду доброго характера. Налив в свою миску душистого супа, с мясистыми ножками и желтенькими шляпками от грибов, старая певунья стала уплетать суп за обе щеки.

Опрокинув одним залпом стопку с огненной жидкостью, я подумал, что проглотил уголёк. Потом уголёк проник в желудок и устроил там целую революцию. Я наконец-то понял, как закалялась сталь во времена Павки Корчагина. С минуту я не мог передохнуть, сохраняя миловидное личико, чем вызвал восторг у дяди Бори. Лёха, едва проглотив стопарик, зашёлся диким кашлем, и если бы не удар между лопаток, то, быть может, потерял друга. Слава богу, все обошлось. Пришлось, правда, двинуть его по-товарищески ещё пару раз, для надёжности. Думаю, он мне этого не простит. Покраснев, как забытый на грядке помидор, Лёха набил салатом свой рот и расплылся в блаженной улыбке.

Хозяйка ушла в баню, оставив нас наедине с недопитой самогонкой и своей мамочкой, непрестанно орудовавшей ложкой.

Наконец мне подали грибного супа. Казалось, еще мгновение, и я умру от ожидания. Глядя на бабушку, мне еще больше захотелось испробовать похлёбки. В мутной, золотистой юшке плавали кусочки обжаренного лука, петрушка, грибы, молодая картошка... Это картина, которую никогда не напишешь. Поэзия. Я отхлебнул пару ложек. Суп оказался горячим, и сперва я ничего не понял. Но смутное подозрение все же вкралось в мое сознание. Я глянул на Лёху. Мой друг застыл с наполовину раскрытым ртом, из которого в этот момент вывалилась грибная ножка. Кусочек оранжевой шляпки от подосиновика так и застрял между зубов.

– Что такое? – как-то неуверенно спросил дядя Боря, поглядывая на свою тещу. Та продолжала уплетать суп.

Мне показалось, что я проглотил один из камней, что лежали в бане на плите. Это было похлеще самогона.

– Переперчили! – досадно замычал дядя Боря и бросил ложку на стол. Он сразу как-то погрузнел.

Я вспомнил про китайцев и своих друзей корейцев. Тех-то хлебом не корми, а дай чего-нибудь остренького.

Отставив тарелку, дядя Боря навалился на блюдо с салатом.

– Кто перчил? – спросил он, едва сдерживая досаду.

Я молчал. Суп был такой красивый, что мне удалось запихнуть еще пару ложек. Но во рту разгорелся такой пожар, что его срочно пришлось тушить второй стопкой самогонки.

Оказалось вот что...

Я, конечно же, первый приложил руку и дал дурной пример тем, что поперчил мало. После, это сделал дядя Боря. На нем бы и остановиться. Но, эта вечно улыбающаяся рожа... Его-то кто за уши тянул? Копался бы в своих грядках. Дак нет же, тоже незаметно проник на кухню и добавил перцу. А потом, после него, и тётя Оля, как полагается, посолила.

Но бабушка! Я смотрел на неё, и меня передергивало, как от переменного тока. Доев свою порцию, она, не обращая на нас внимания, принялась за следующую тарелочку.

Чтобы не было пустоты, мы решили дружно отметить это дело по третьей. После грибочков третья показалась мне простой водой. Даже бабушка открыла рот от восторга.

Вот это гости! Пьют и не закусывают.

– А что! Это мысль. Перед водочкой супчика грибного, – пошутил дядя Боря.

Салат мы слопали в один присест, хотя в миске поместилось бы полведра. Все из-за супа.

– Что, переперчили? – посмеялась хозяйка, придя из бани, тоже раздобревшая от пара и помолодевшая лет на пять. – Я не хотела расстраивать вас заранее. Хотела поперчить, да просыпала. Из-за пара. Чуть руки не обожгла.

Я глянул на дядю Борю. Тут нас всех прорвало диким хохотом. Он потянулся к ящику, где находился стаканчик с перцем. В нем и половины не было.

– Ну, мать! Развеселила! А, ладно! – махнул он рукой. – Это что! И не такое бывает. Это все дурная привычка не пробовать, когда готовишь.

Пузырь опустел, и мы нехотя встали из-за стола. Ни о каком чае не могло быть и речи.

– Вот хорошо-то как, – крикнула бабуля, облизывая ложку. – Давно не ела грибного супа. Может и завтра сходите по грибы. Так я пожарю их с картошечкой.

Понравился ей наш суп или нет, я не понял. Могла и просто поскромничать. А, может, жизнь её была такой же несладкой, как наша похлебка. И сколько людей подсыпали перцу на её пути, было известно только ей самой да господу богу.

Поднявшись утром раньше обычного, слегка покачиваясь от вчерашней выпивки, я решил разобраться с супом.

Я подумал: «А не скормить ли его соседскому Тузику, дабы загладить свою вину за недо-рисованную картину?»

Забыв про свой собачий дом, Тузик бросился мне навстречу, как к самому хорошему человеку, другу собак. Увидев в моих руках огромную кастрюлю, он потерял дар собачей речи и завилял хвостом. Надо сказать, что собака была не из маленьких. Тузик выгнулся дугой и смачно зевнул, оттягивая по очереди задние лапы. «Как бы не откинул их», – подумал я, выливая содержимое в его тазик.

Тузик еще раз зевнул. Зная немного собачий язык, я догадался, что ему стыдно, но он считает меня своим другом, а потому – можно.

Как только я отошёл от миски, Тузик набросился на мой подарок, расплескивая во все стороны вчерашний суп. «Наверное, ему кажется, что он горячий», – подумал я. В считанные минуты тазик опустел. Собака посмотрела грустными глазами на меня, потом на пустую миску. Всё влезло.

По-моему, он не лакал, а глотал. Чему не научишься от собачей жизни.

За калиткой уже держался за живот Лешка. Мне показалось, что он встал рано с той же гуманной целью.

Вышедший из дома дядя Боря, увидев, чем мы занимаемся, стал нас ругать, но потом усмехнулся и махнул рукой.

Тузик тем временем, повёл себя очень странно. Он стал как-то резко и быстро передвигаться по двору, гремя цепью. Он стал мотать головой, все время открывал пасть и зевал. На всякий случай, я отошёл подальше.

На этом моя дружба с Тузиком закончилась. Он больше не вилял хвостом и пасти не закрывал до самого вечера. Соседские мальчишки два раза наливали ему воды, и он тут же выхлебывал ее. Я неоднократно потом давал ему еду, но он только отворачивал морду. Мне он уже не верил. Еще бы...

Дядя Миша

– Так! Всё! Хватит бездельничать, пора вас отправлять в лес, – выпалил на ходу, не здороваясь и не закрывая в кухню двери, дядя Боря. – Завтра идет машина на участок, с ними и отправитесь, – скомандовал он, одновременно выхватывая из кастрюли и пихая в рот куски мяса.

Лёха подпрыгнул от радости.

Застоялись наши кости. От безделья я уже успел выстрогать четыре топорщица и насадить на них давно забытые ржавые железки. Мы обленились: поднимались к обеду, забыли о зарядке. Этюдник мой покрылся паутиной, в общем, еще чуть-чуть, и мы деградируем.

А время продолжало тикать. И уже не часами и минутами, а целыми днями.

Вечер мы провели в сборах: отравы – для комаров, черви – для рыбы, для нас – немного еды. Да что там! Все равно что-нибудь забудем. Аккуратно укладываю фотоаппарат. Фотограф я никудышный: слишком безалаберный. Скорее, это временное увлечение, да и ладно. Пусть будет. Иногда из-за одного снимка попадаешь в целое приключение.

Дядя Боря – главный консультант. Его советы имеют большое значение.

– Надо было раньше вас отправить. И почему я сразу не додумался? Сейчас бы жили себе на здоровье в тайге. Там красота, речка, – с грустью в голосе наговаривает он. – Котелок не забудьте, без него вы – никто в лесу.

Между делом дядя Боря уплетает борщ. Он все делает на ходу, всегда умудряется совмещать несовместимое.

– Там мой хороший знакомый, Мишка. Ну, для вас он уже дядя Миша. Приедете, скажите, что от меня. Он вас куда надо на лодке отвезёт и покажет место.

Я представил дядю Мишу угрюмым, заросшим густой бородой человеком, как и полагаются жителям тайги. Дядя Боря в очередной раз закурил беломорину, хорошо прокашлялся, предупредил:

– Мишка страсть как не любит ленивых, особенно, когда спят до обеда.

Он искоса посмотрел сначала на меня, потом на Лешку. Тот, как всегда, оскалил свои зубы и тут же их спрятал.

Этот вечер оказался самым плодовитым по части разных таежных историй и приключений.

Дядя Боря был в таком ударе, что за его рассказами мы и не заметили, как съели целую кастрюлю борща.

– Зверя бояться не надо, его уважать надо. Но лучше не встречаться вообще. Особенно с медведем. Самый коварный среди других, – учил нас дядя Боря, увлекая своими поучительными историями, и заставляя нас содрогаться при очередном примере из личного опыта.

– Сейчас зверь сыт. У медведя корма много: тут и ягода, и корней в земле полно. А вот тигр – с ним надо осторожнее. Тигр сейчас недоволен: этот корнями и ягодами не питается. Прошлой зимой у нас случай был. Двое возвращались. Уже и ружья зачехлили. Вот, дорога внизу, там машины ходят. Вдруг тигра! Выскочил из кустов, а у ребят ни ножа под рукой, ни ружья. Первый-то ей в пасть руку засунул. Пока она ее выплевывала, второй рюкзак скинул и пинками её под ребра. Она на него, он ей рюкзак в пасть. Хорошо, внизу на лесовозе ехали, увидели. Давай сигналом пугать. Так с рюкзаком и убежала. А рука у парня, как плеть: всю изжевала, зверюга.

...– Или вот, к примеру (меня уже потрясывало от жутких таёжных историй, но дядя Боря только разошёлся). Осенью. Собирали как-то шишки кедровые. Я залез на кедр. Здоровенный, не обхватишь. Сбиваю. А внизу мой напарник собирает. Ну, и говорит мне, по каким веткам колотить: снизу-то лучше видать. И что-то смотрю, куда-то подевался: а под деревом уже другой мужик ходит, вроде деда, и собирает мои шишки. Те, что я сбил. Я ему кричу: «Мужик! Ты чё?» А он как рявкнет. Я чуть с дерева не слетел. Потом смотрю: Генка-то – на соседнем дереве и мычит мне что-то. А сначала лезть не хотел. Говорил, не умеет, высоты

боится. А медведь еще с полчаса наши шишки дробил, пока не нажрался, не ушёл. А другой раз я с ним нос к носу. Рывкнули от страха одновременно, и дёру. Потом-то я вернулся на то место. Медведь тоже напугался. Так напугался, что кучу наделал от неожиданности. А мог бы наоборот, наброситься. И никакое ружье не поможет. Но убегать сразу не надо: не любит зверь, когда убегают.

Этой ночью мне снились самые настоящие кошмары. Я в постели дрожал от страха, даже подумал не ехать в лес. Но Лёха... Не хотелось падать в его глазах. Мой друг, похоже, страха не знал и по лесу ходил, как свой.

Моё воображение – мой враг. Оно не давало мне заснуть чёрт знает сколько времени, ну, а когда я все-таки уснул, то потом пожалел об этом: там было ещё хуже. В самом конце был хороший пинок под зад. Хорошо, падать не пришлось с койки, поскольку я всё время спал на полу. Сверху, как всегда, улыбался Лёха, уже экипированный во всё таёжное. Вспомнив, что меня ждёт впереди, мне стало грустно, и я пополз под кровать.

Утро было многообещающее: светило солнышко, за окном щебетали птицы, а во дворах лениво потягивали уставшие за ночь собаки.

Где-то в глубине точил червь сомнения: вдруг что с машиной, или отменят по каким-то причинам поездку.

Наскоро мы проглотили несколько завтраков и засемили за своим начальником. С дядей Борей все охотно здоровались. «Здрасте» относились и к нам, поэтому, пока мы дошли, у нас уже болели шеи от постоянных приветствий. Никогда не буду сельским участковым.

На плечи приятно давил туго набитый рюкзак, а на ногах красовались очень модные в этих краях, закатанные по последнему слову моды болотные сапоги. Лёшка тащился сзади, едва поспевая за мной.

Проходя мимо одного дома, я заметил своего старого знакомого, которому задолжал портрет.

–Вы чего с утра? На Ударный? С лесниками? К дяде Мише поехали? –дознавался малец, одновременно ковыряясь в носу.

Похоже, вся деревня знала, куда и к кому мы собрались. Это немного озадачивало. Тут же стояла огромная мамаша и миролюбиво размахивала руками перед самым носом своего чада, втолковывая ему какие-то прописные истины и разбавляя диалог подзатыльниками. Очевидно, сынишке давалось задание на целый день, и заранее тут же он получал наказание за то, что плохо с ними справится. Мне показалось, что оба хорошо понимали друг друга. Как только хозяйка скрылась за калиткой, пацан, всё ещё ковыряя в носу, смылся в дом, даже не закрыв за собой дверь: мухи ему явно были безразличны.

Мужики на месте сбора отнеслись к нам, как и полагается, с равнодушием, и на приветствие только кивнули.

Утренняя встреча – это целая церемония. После длинного выходного всем есть что рассказать и чем похвастать. Кто-то хвастает своим остро отточенным топором, у кого-то бурные воспоминания после внеплановой гулянки. Другие просто сидели на пустых ящиках и молча курили.

Я обратил внимание на одного мужичка неопределенного возраста. Со спины он казался подростком, а руки его вообще не знали тяжёлой работы, в то время как руки других были узловатыми и загорелыми.

Появился дядя Боря. По его весёлому лицу мы догадались, что всё в норме. Все сразу полезли в машину ЗИЛ с хорошей зимней будкой.

Не вникая в порядки местного общества, мы сели, где посчитали нужным, но, как выяснилось позже, на чужие места. Однако виду никто не подал. Наверное, имя нашего знакомого имело свое воздействие на окружающих: нас с первого раза записали в блатные.

Выехав за деревню, мы сразу попали в другой мир. Дорога, если это слово подходило к тому, по чему ехала машина, проходила среди огромных бархатов и берёз. В лесу было сумрачно и таинственно. Я снова вспомнил вчерашние рассказы, и мне показалось, что где-то в траве замелькали рыжие полосы. Окошко было маленькое и всего одно на будку. Оказываясь, мы заняли самые дорогие места в передвижном «театре».

Постепенно пейзажи наскучили мне, и я стал изучать публику. Меня заинтересовал разговор за спиной. Оказалось, что все, кто ехали с нами, в гробу видели тайгу и век бы не имели с ней дела вообще. У каждого где-то был свой дом, квартира, а они гробят жизнь здесь, в этой чёртовой тайге.

Это были обычные работяги, кто не сидел на месте, кто не уживался с начальством, кого уже вообще никуда не брали. Я так и не понял, что же гонит этих людей в лес. Работа – проработать молодые посадки кедров и лиственниц – не из легких, тут не до романтики. Может, этот дикий край давал им возможность почувствовать хоть немного свободы? Ведь здесь они были предоставлены самим себе. Любой из них предпочел тайгу ковчегу на совхозных полях. Двое в качестве наказания отработывали «химию». Но это были самые что ни на есть нормальные мужики.

Два раза машина съезжала с дороги и ползла куда-то в дебри и чащи прямо по ручью, пробираясь между толстыми липами и дубами. Даже дух захватывало. Упрямый ЗИЛ, словно миллиметровщик, пробирался среди огромных деревьев, и едва не скатывался в крутые откосы. Потом машина остановилась в глухом распадке, и наша компания поредела.

Я смог найти тему для разговора с высоким парнем моего возраста. По его словам, он был большим мастером в ловле рыбы, о чем говорили его почерневшие удочки. Я вырос на Амуре и даже не мог представить, что такое рыбалка на горной реке. Мой собеседник всё время сбивался с основной темы, и я так и не успел выяснить главного вопроса: как ловить удочкой на течении.

Машина остановилась, и мужики полезли из пыльной будки на свежий воздух.

С минуту я стоял ошарашенный. Не только увиденным. Нет. То, что я увидел, я еще мог бы представить, но то, что я вдохнул!

Даже деревенский чистый воздух мне показался выхлопным газом после первых глотков этого воздуха. Тело охватила трясучка, меня пробрало до кончиков волос.

Это был восторг, и я даже не смог скрыть его.

Перед моими глазами летела, именно летела, река. Столько воды в движении я никогда не видел. Конечно, Амур – это ширь, это величие. Но Хор! Мне показалось, что стоит опустить ладонь и меня тут же унесёт. Река буквально пронеслась в узкой котловине. Наш берег круто спускался к самой воде. Огромные, заросшие густым лесом сопки создавали впечатление замкнутости пространства. С левой стороны виднелся залив, и отвесные, скалистые склоны сопки уходили прямо в воду. Противоположный берег был сплошной стеной из густого леса, состоящего из деревьев самых разных пород и размеров; и между ними летела река, именуемая у местных народностей просто Хор.

Даже зрительно чувствовался сильный уклон. Река не катилась вниз по течению, она летела, отражая своей пенистой поверхностью огромные подводные камни и выступы скал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.